

УДК 94+327

От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов

П. В. Шлыков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1*

Для цитирования: Шлыков П. В. От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 301–322. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.21>

В статье анализируется маятниковая динамика турецко-американских отношений в исторической перспективе последних семи десятилетий (1940–2010-е годы). Один из парадоксов развития турецко-американских отношений состоит в том, что факторы и обстоятельства, сблизившие две страны, одновременно становились причиной разлада между «стратегическими партнерами». Генезис текущего кризиса отношений Анкары и Вашингтона рассматривается в трех измерениях — как деградация идеи «турецкой модели», как эрозия «блоковой солидарности» (Турция — США в НАТО) и как дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: Турция, США, НАТО, Ближний Восток, «турецкая модель», международная безопасность.

С середины прошлого века Турция являла пример одного из главных и последовательных союзников США. В годы холодной войны она выступала форпостом Запада на границах с Советским Союзом. В 1990-е годы выполняла ключевую роль в сдерживании Ирака и Ирана, помогала Вашингтону в реализации его политики на Балканах и построении энергетического коридора «Восток — Запад». В начале 2000-х годов Турция — участник международной коалиции во главе с США и партнер в афганском урегулировании. В 1990-е и 2000-е годы — «витрина» западной демократии в регионе, модель быстроразвивающейся страны, успешно сочетающей демократию, рыночную экономику и ислам. Все это делало определение турецко-американских отношений в категориях стратегического

партнерства не просто фигурой речи, а отражением их реального содержания на протяжении более семи десятилетий — вопреки маятниковой динамике сотрудничества, пережившего несколько региональных конфликтов, изменения международной политической и экономической конъюнктуры.

Давний член НАТО (1952), Совета Европы (1949), ОЭСР (1961), ОБСЕ (1975), Турция смогла глубоко интегрироваться в политико-экономическое пространство Запада и стала восприниматься как страна, представляющая Запад на Ближнем Востоке и являющаяся примером того, как его политико-цивилизационные ценности могли бы быть инкорпорированы в развитие стран с мусульманским населением. В 2009 г., воодушевленный успехами экономического развития и реформ по демократизации в Турции, президент США Барак Обама назвал отношения между двумя странами «эталонным сотрудничеством»¹. Это был первый зарубежный визит нового американского президента, и символичным было то, что он выбрал Турцию. В 2012 г. Обама назвал Р. Эрдогана одним из пяти мировых лидеров, которым он полностью доверяет². Спустя несколько лет в беседе с журналистом Дж. Голдбергом (*J. Goldberg*) Обама удостоил турецкого лидера совсем других эпитетов — «неудачник и автократ»³. Уже в 2013 г. коллапс внутривластных реформ, ярким проявлением которого стали массовые протесты по всей Турции, обострившиеся расхождения в подходах к сирийскому кризису и множество других внезапно обнажившихся противоречий обозначили начало деградации турецко-американских отношений, резко ускорившейся после путча 2016 г. и всплеска антиамериканских и антизападных настроений. Как показали данные социологического исследования, проведенного аналитическим центром «Пью Ресёрч» (*Pew Research Center*) в конце 2017 г., Турция стала единственной страной, где на первом месте в ряду глобальных угроз оказался не международный терро-

¹ Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The Obama White House: Office of the Press Secretary. 2009. Apr. 6. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament>.

² *Zakaria F.* Inside Obama's World: The President talks to TIME About the Changing Nature of American Power // Time. 2012. Jan. 19. <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power>.

³ *Goldberg J.* The Obama Doctrine // The Atlantic. 2016. Apr. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525>.

ризм или миграционные потоки, а политика США (ее отметило более 72 % респондентов)⁴.

К 2018 г. турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю развития. За очевидными проблемными зонами и сферами расхождения интересов: разные подходы к сирийскому урегулированию, тактический союз США и сирийских курдов, вопрос об экстрадиции Фетхуллага Гюлена⁵, — лежат структурные факторы текущего кризиса вкуче с различиями в глобальных и региональных приоритетах двух стран и их политических элит. Нереализованными оказались планы наращивания экономического сотрудничества — проект «турецко-американского партнерства» с созданием зоны свободной торговли⁶ и подключением Турции к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству⁷. Обидные эпитеты, которые представители политических элит стали использовать в СМИ, показали сужение каналов возможного диалога⁸. Растущее непонимание друг друга обнаружилось и в сфере безопасности. Представители американских и турецких спецслужб по-разному стали подходить к вопросам контроля за перемещением иностранных боевиков на территориях, занимаемых ИГИЛ, и в целом к методам борьбы с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Сотрудничество между США и Турцией из «стратегического» и «образцового» стало «дисфункциональным».

Какова природа текущего кризиса турецко-американских отношений и особенности его генезиса? В статье проблема рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах:

⁴ Globally, more people see U.S. power and influence as a major threat // Pew Research Center. 2017. Aug. 1. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/01/u-s-power-and-influence-increasingly-seen-as-threat-in-other-countries>.

⁵ Исламского проповедника Фетхуллага Гюлена — лидера международного миссионерского движения «Хизмет» — на родине обвиняют в организации не только путча 2016 г., но и коррупционного скандала 17–25 декабря 2013 г., а также протестов в парке Гези.

⁶ *Albright M. K.; Hadley St.* US — Turkey Relationships: A New Partnership // Independent Task Force Report, no. 69. New York: Council on Foreign Relations, 2012. <https://www.turkishnews.com/en/content/2012/05/14/u-s-turkey-relations-a-new-partnership>.

⁷ *Kirişçi, Kemal; Ekim, Sinan.* Turkey's trade in search of an external anchor: The neighborhood, the Customs Union or TTIP? // *Global Turkey in Europe*. Rome: Istituto Affari Internazionali. 2015. Apr.

⁸ *Goldberg J.* The Obama Doctrine // *The Atlantic*. 2016. Apr. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525>.

- как провал идеи «турецкой модели» (Турции как страны, которая могла бы структурировать постсоветское пространство, а затем регион Ближнего и Среднего Востока в русле, благоприятном для Запада);
- как эрозия блоковой солидарности в рамках треугольника Турция — США — НАТО;
- дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

В течение второй половины XX в. отношения Анкары и Вашингтона характеризовались маятниковой динамикой взаимодействия, балансирующего между сотрудничеством и конфронтацией. Изначально интерес США к Турции обуславливался стремлением противодействовать «советской угрозе» на турецком направлении, опасность которой в Вашингтоне и Анкаре расценивали высоко. Это хорошо просматривалось в логике включения Турции в «Доктрину Трумэна» 1947 г., а после вступления Турции в НАТО в 1952 г. ее роль в евро-атлантической системе безопасности конкретизировалась. На Турцию возлагалась обязанность в случае необходимости задержать возможное продвижение советских войск в Западную Европу посредством блокирования Черноморских проливов и открытия «южного фронта» НАТО. При этом американские политики отмечали, что в рамках логики блокового противостояния ближневосточный фактор изначально составлял важную компоненту турецко-американских отношений.

Турция благодаря расположению между Советской Россией и странами Ближнего и Среднего Востока рассматривалась США как инструмент купирования советского влияния в Восточном Средиземноморье и зоне Персидского залива. Как показывают опубликованные архивные документы Госдепартамента США, американские и британские политики, обосновывая необходимость вступления Турции и Греции в НАТО, подчеркивали важность этих стран в поддержании регионального баланса сил: если Греция или Турция окажутся в орбите влияния Советской России, то безопасность региона Ближнего Востока будет поставлена под угрозу⁹. Администрация США имела в виду не только абстрактную, но и конкретную роль

⁹ Foreign relations of the United States. 1950. Vol. V: The Near East, South Asia, and Africa / F. Aandahl, W. Z. Slany (Gen. Eds.). Wash., D. C.: US Government printing office, 1978. P. 256. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05>.

Турции в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке, поскольку турецкие вооруженные силы, дислоцированные на стратегически важных рубежах, фактически были единственной сухопутной группировкой Альянса, способной к быстрому реагированию на ближневосточном направлении.

США рассчитывали на Турцию и в деле обучения военного персонала ближневосточных стран в рамках деятельности Объединенной американской военной миссии по оказанию помощи Турции (*Joint American Military Mission for Aid to Turkey, JAMMAT*), развернутой по «Доктрине Трумэна», а также в вопросах организации поставок вооружения для стран региона¹⁰. Уже тогда американские стратеги выдвинули идею использования особой культурно-исторической идентичности Турции, которая, в случае присоединения государства к НАТО, могла бы стать важным инструментом в налаживании прочных связей с ближневосточными мусульманскими странами. Американским дипломатам ставилась задача подталкивать Турцию к роли проводника западных ценностей в их адаптированном к местным реалиям виде и к роли регионального лидера¹¹. Участие Турции в программе переподготовки военнослужащих стран региона, соответственно, рассматривалось в категориях культурной идентичности. В США полагали, что обучение военных на территории Турции с участием американских инструкторов окажется не только менее затратно с финансовой точки зрения, но и не создаст дополнительных политических рисков при возвращении прошедших переподготовку офицеров на родину¹².

Активность Турции на Ближнем Востоке в 1950-е годы оказалась масштабнее, чем рассчитывали США, что проявилось во время сирийского кризиса 1957 г. По дипломатическим каналам Вашингтон попытался донести до турецкого премьера Аднана Мендереса мысль о необходимости умерить амбиции на региональном уровне [1, p. 35].

¹⁰ Foreign relations of the United States. 1952–1954. Vol. IX, Part 1: The Near and Middle East / J. P. Glennon (Gen. Ed.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1986. P. 202. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1>.

¹¹ Foreign relations of the United States. 1950. Vol. V: The Near East, South Asia and Africa / F. Aandahl, W. Z. Slany (Gen. Eds.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1978. P. 260. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05>.

¹² Foreign relations of the United States. 1952–1954. Vol. IX. Part 1: The Near and Middle East / J. P. Glennon (Gen. Ed.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1986. P. 202. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1>.

Америка была озадачена тем, что вместо того, чтобы исполнять роль проводника интересов Запада и НАТО в регионе, Турция предпринимает шаги, фактически направленные на наращивание влияния на Ближнем Востоке. Президент Д. Эйзенхауэр в беседах жаловался, что Турция ведет себя как региональная держава, преследующая интересы свои, а не Альянса на Ближнем Востоке вместо «выполнения предписанной работы» в деле сдерживания СССР [1, р. 35].

Ближневосточная тематика сближения США и Турции преобладала в повестке двусторонних отношений, но уже в середине 1950-х годов на пике холодной войны, Анкара демонстрировала стремление проводить собственную ближневосточную политику. Логика действий объяснялась геополитическими соображениями: находясь рядом с ключевыми игроками на Ближнем и Среднем Востоке, Турция имела свои интересы в регионе, необходимость их отстаивать не была снята с повестки дня со вступлением страны в НАТО. Только теперь Анкаре приходилось балансировать между интересами США и НАТО, с одной стороны, и собственным видением региональной ситуации — с другой.

К концу 1960-х годов и особенно в 1970-е годы относительное равновесие было нарушено, и Турция с меньшим энтузиазмом демонстрировала готовность проводить американскую политику в регионе. Во время Шестидневной войны 1967 г. и Войны Судного дня 1973 г. Турция не дала США согласия на использование военных баз для оказания помощи Израилю. С этого времени турецкое правительство настойчиво подчеркивало, что расположенные на территории Турции натовские и американские базы не могут быть задействованы в военных операциях в Персидском заливе или где-либо на Ближнем Востоке без специального разрешения Анкары, особенно в операциях, проводимых вне рамок НАТО.

Нежелание Турции выступать проводником западных интересов на Ближнем Востоке вызвало снижение интереса американского политического истеблишмента к этой стране, поскольку на западноевропейском направлении ее стратегическая важность была незначительной, прежде всего в силу географического положения Турции на юго-восточной периферии Европы [2, р. 26]. Эти факторы вкупе с американским эмбарго на поставки оружия Турции после оккупации Кипра в 1974 г. привели к стагнации турецко-американских отношений в конце 1970-х годов.

В 1980-е гг. Америка озаботилась реанимированием отношений с Турцией. Региональная конъюнктура значительно изменилась. Ее составными элементами стали:

- Исламская революция в Иране (1979), установление режима, стоящего на антиамериканских позициях (Вашингтон был обеспокоен перспективой укрепления в Иране советского влияния);
- Йеменская война (1979), в которой фактическую победу одержали силы марксистского правительства Южного Йемена (трактовалась как прямая угроза интересам США в Персидском Заливе) [3, p. 25];
- ввод советских войск в Афганистан (1979).

На фоне этих событий американская администрация озаботилась поиском инструментов защиты своих интересов на Ближнем Востоке, важность которого для внешней политики США не подвергалась сомнению. Советские войска в 300 милях от Индийского океана и близкие к Ормузскому проливу, через который проходит большая часть мировой нефти, изменили ситуацию в регионе. Поэтому «Доктрина Картера» провозгласила: «Любые попытки внешних сил установить контроль над регионом Персидского залива» считаются посягательством на «жизненно важные интересы США» и «будут отражены любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой»¹³. Это привело к созданию сил быстрого реагирования. Администрация Р. Рейгана, пришедшего к власти в 1981 г., продолжила политику наращивания военного присутствия США на Ближнем Востоке.

Провозглашенная Вашингтоном политика «стратегического консенсуса» предполагала расширение сотрудничества США не только с Турцией и Израилем, но с Египтом, Иорданией, Оманом, Пакистаном, Саудовской Аравией против «общей советской угрозы» на Ближнем Востоке. Изменившаяся ситуация повысила ценность Турции в глазах США, которые вновь стали рассматривать ее как ключевой форпост Запада в регионе: с территории Турции можно было осуществлять военные операции как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье. Однако Анкара фактически от-

¹³ Foreign relations of the United States. 1977–1980. Vol. I: Foundations of Foreign Policy / A.M. Howard (Gen. Ed.). Washington, D.C.: US Government printing office, 2014. P. 695. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01>.

казалась от участия в развертывании сил быстрого реагирования, предпочтя иной формат: в марте 1980 г. между США и Турцией был заключен Договор о сотрудничестве в сфере обороны и экономики.

Государственный переворот в Турции 12 сентября 1980 г. и приход к власти военных во главе с генералом Кенаном Эвренем, ставшим новым президентом, ускорил развитие турецко-американского сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Обновленная стратегия НАТО, в которой особо подчеркивалась важность Ближнего Востока, вместе с новыми правилами проведения натовских операций (1982) — все это повышало статус Турции как единственного члена Альянса в регионе. В подтверждение в 1980-е годы на территории Турции была построена новая военная база в городе Муш, другой крупный объект — в Батмане — прошел комплексную модернизацию [4, р. 9]. При этом Конгресс США стал вводить ограничения на поставки вооружений в Турцию (общий объем поставок за десять лет с 1984 по 1993 г. составил 6 млрд долл.) [5, р. 62].

Окончание периода холодной войны поставило на повестку дня вопрос о новом содержании турецко-американских отношений, поскольку главная их составляющая — сдерживание «советской угрозы» — утратила свое значение. В Турции были серьезно обеспокоены перспективой того, что США пересмотрят свой подход к Турции как ключевому партнеру по обеспечению безопасности и продвижению американских интересов в регионе. Однако эти опасения оказались беспочвенными, поскольку изменившая международная конъюнктура отнюдь не девальвировала значение Турции для Вашингтона, а способствовала изменению характера сотрудничества.

В 1990-е годы Турция и США постарались выработать общие видение и подходы сразу по нескольким ключевым для Турции внешнеполитическим направлениям — на Балканах, в Черноморско-Каспийском регионе и на Ближнем Востоке. Как писали американские политологи, «трансрегиональное положение» Турции в новых условиях оказалась крайне востребованным для США [6, р. 84]. Тем не менее, хотя это положение, с одной стороны, снимало проблему примата ближневосточного направления турецко-американского сотрудничества, вызывавшего беспокойство и раздражение Анкары в годы холодной войны, с другой — оно обостряло существующие расхождения в подходах к региональным проблемам и создавало новые сферы расхождения интересов, что неизбежно отразилось на содержании и характере диалога между странами. Поддержание

атмосферы стратегического партнерства потребовало поиска новых компромиссов.

Регионализация двухстороннего сотрудничества проявилась практически сразу с началом постбиполярного периода. Война в Персидском заливе (1990–1991) стала своего рода испытательным полигоном нового формата турецко-американских отношений. Вторжение Ирака в Кувейт и последующая операция международной коалиции во главе с США в рамках мандата ООН повысили ценность партнерских отношений с Турцией. Хотя формально Турция не вошла в состав коалиции, она оказала существенную логистическую поддержку операции, сконцентрировала многочисленную военную группировку на границе с Ираком, что вынуждало правительство С. Хусейна держать часть своих войск на севере, и перекрыла нефтепровод Киркук — Юмурталык — важный экспортный коридор для иракской нефти. На фоне этих событий 17 января 1991 г. турецкий парламент санкционировал участие турецких вооруженных сил в войне против Ирака, а также использование союзниками турецких военных баз.

Другим новым элементом турецко-американских отношений в 1990-е годы стало наращивание многоаспектного сотрудничества между Турцией и Израилем. В 1996 г. Анкара и Тель-Авив подписали соглашения о военно-логистическом и военно-техническом сотрудничестве, по которым обе страны получили возможность использовать воздушное пространство друг друга в целях обеспечения безопасности, делиться разведывательными данными и осуществлять совместные военные учения. Для США, по признанию официальных лиц Госдепартамента, налаживание военно-технического и военно-политического сотрудничества между Турцией и Израилем в 1990-е годы составляло одну из стратегических задач на ближневосточном направлении¹⁴. В подтверждение этому США выступили соорганизаторами военно-морских учений Турции и Израиля в Средиземном море в 1998 и 1999 гг.

Для турецко-американских отношений на ближневосточном направлении оформились три ключевые сферы, в которых обе страны попытались синхронизировать свои подходы к региону: во-первых, сотрудничество на иракском треке, что было особенно ценно для Вашингтона, поскольку являлось неотъемлемой частью проекта

¹⁴ US Department of State // Daily Press Briefing. 1997. May 9. P. 127. <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb>.

переустройства Ближнего Востока с уходом из региона России; во-вторых, развитие потенциала Турции в деле сдерживания региональных амбиций Ирана; и, наконец, участие Турции в поддержании баланса арабо-израильского противостояния.

Однако к середине 1990-х годов по всем этим направлениям турецко-американское сотрудничество начало давать трещины, демонстрируя все большие расхождения во взглядах и подходах к региональной геополитике в Анкаре и Вашингтоне. Позиция США по Ираку вызывала все больше вопросов у мировых лидеров, и на этом фоне Турция стала открыто показывать свое несогласие с политикой США и озабоченность развитием ситуации в регионе. Лукавство американской политики на Ближнем Востоке становилось все более очевидным для турецкого истеблишмента, что порождало атмосферу недоверия в двухсторонних отношениях. Рост напряженности между Анкарой и Вашингтоном рельефно проявлялся во время парламентских дискуссий о продлении мандата на использование военных баз в рамках антииракских кампаний «Утешение» и «Северный дозор» (1991–1996). Откровенный цинизм американских политиков вызывал раздражение в Турции, но еще большее беспокойство вызывала негласная поддержка, которую США оказывали иракским курдам, нацелившимся на создание собственного государства на севере Ирака, что косвенным образом подстегивало обострение курдского вопроса в Турции. Обо всем этом говорили уже не только кулуарно и на трибунах оппозиционных партий, публичная критика в адрес США звучала из уст высокопоставленных чиновников турецкого правительства [7, p. 185–190], которые обращали внимание на то, что с 1989 г. США даже свернули программы прямой военной помощи Турции [8, p. 91].

При этом Вашингтон давал понять, что не намерен идти на обострение отношений со своим ближневосточным союзником. Летом 1991 г. в качестве демонстрации своего особого расположения президент Джордж Буш посетил Турцию с официальным визитом (за 30 лет это был первый официальный визит американского лидера в страну). В конце 1990-х годов уже Б. Клинтон, находясь с визитом в Анкаре, в речи перед депутатами турецкого парламента назвал отношения между двумя странами «стратегическим партнерством», важность которого с окончанием холодной войны только возросла¹⁵.

¹⁵ Clinton W. Remarks to the Turkish Grand National Assembly in Ankara. 1999. Nov. 15 / The American Presidency Project. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=%2056935>.

Действительно, для США в 1990-е годы ценность геостратегического положения Турции была очевидной. Турция предоставляла стратегически выгодный доступ к региону, из которого исходили основные угрозы американскому мировому доминированию, а расположенные на ее территории военные базы оказались чрезвычайно востребованы для осуществления экспансии на Ближний Восток.

В этом и заключался парадокс турецко-американских отношений: факторы и обстоятельства, сближавшие две страны, одновременно становились причиной разлада между «стратегическими партнерами». США и Турция все в большей степени рассматривали регион с разных точек зрения. Для реализации своих целей по сдерживанию, а потом и свержению режима Саддама Хусейна США начали активно использовать иракских курдов, фактически предоставив им все возможности для построения своей автономии на севере Ирака. Турецкие власти однозначно воспринимали «иракскую политику» Вашингтона как курс, направленный на ущемление экономических, политических и военно-стратегических интересов Турции. Охлаждению турецко-американских отношений косвенно способствовал и рост внутривнутриполитической напряженности в Турции: оппозиционные политики активно продвигали дискуссию о «негласных целях американской дипломатии», что неизбежно приводило к росту антиамериканских настроений в общественном мнении Турции. И красивые слова о «стратегическом партнерстве», прозвучавшие в речи Билла Клинтона перед турецкими парламентариями в 1999 г., уже не могли повернуть вспять процесс деградации двухсторонних отношений.

В начале 2000-х годов в турецко-американских связях обозначилось новое направление. События 11 сентября 2001 г., после которых мировое сообщество заговорило об объединении против международного терроризма, способствовали тому, что Вашингтон стал активно продвигать идею «турецкой модели» как примера совместимости ислама и либеральной демократии, реципиентами которой должны были стать страны Ближнего и Среднего Востока, где разворачивалась «война с исламским фундаментализмом» и радикальными террористическими группировками¹⁶. Администрация

¹⁶ Ülgen S. From Inspiration to Aspiration: Turkey in the New Middle East. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2011. P. 4. http://carnegieendowment.org/files/Turkey_Mid_East_Full_Text.pdf.

Дж. Буша-младшего озаботилась идеей сделать Турцию неотъемлемой частью масштабного проекта демократизации исламского мира. П. Вулфовиц, в то время заместитель министра обороны США, и К. Райс, тогда советник президента по национальной безопасности, открыто говорили о «турецкой модели» как альтернативе радикальному исламу¹⁷, а президент Дж. Буш-младший в одном из интервью назвал Турцию светочем демократии для мусульман всего мира¹⁸.

Привлекательность Турции и «турецкой модели» в глазах лидеров западных стран еще более возросла после проведенных в стране масштабных преобразований, направленных на то, чтобы «подтянуть» Турцию до европейского уровня в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в Евросоюз. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Турция пережила серию реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, смягчение положения этно-конфессиональных меньшинств. Первые шаги новой волны европеизации Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к Конституции 1982 г., затем последовало утверждение нового Гражданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г. [9, р. 15].

Однако в самой Турции к американской идее «турецкой модели» отнеслись неоднозначно. Значительная часть турецкого истеблишмента — особенно военная элита и светски настроенная часть гражданской бюрократии — усмотрели в «турецкой модели» инспирированный США проект, не учитывающий национальные интересы Турции. Озабоченность кемалистской части истеблишмента, прежде всего военных, вызывало то, что в рамках новой «турецкой модели» акцент делался именно на исламе и исламском характере турецкого государства, а светскость (секуляризм/лаицизм), являвшаяся одним из ключевых конституционных принципов Турецкой Республики с 1930-х годов, отступала на второй план. Острое раздражение вызвали слова госсекретаря США К. Пауэлла о Турции

¹⁷ Wolfowitz: Accept your mistake, our partnership shall continue // *Hürriyet Daily News*. 2003. May 7. <http://www.hurriyet.com.tr/wolfowitz-accept-your-mistake-our-partnership-shall-continue-145127>.

¹⁸ Peterson L. The Pentagon Talks Turkey // *The American Prospect*. 2002. Sept. 5. <http://prospect.org/article/pentagon-talks-turkey>.

как «умеренной исламской республике»¹⁹, на что занимавший тогда пост президента Ахмет Сезер отреагировал, публично заявив, что «Турция не является исламской республикой, равно как и не служит примером страны умеренного ислама»²⁰. Даже лидер правящей происламской Партии справедливости и развития (ПСР) Р. Эрдоган без особого энтузиазма отреагировал на амбициозную инициативу продвижения «турецкой модели» на Ближний Восток²¹. Идея «турецкой модели» — несмотря на массивную поддержку администрации Джорджа Буша-младшего — очень быстро сошла на нет, чему в немалой степени способствовало быстрое сворачивание проекта демократизации «расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», поскольку события в Афганистане и Ираке развивались совсем не по тому сценарию, который предлагали западные лидеры на саммитах в начале 2000-х годов [10, pp. 33–55]. Кроме того, турецко-американские отношения к середине 2000-х вошли в пору затяжного кризиса, вызванного взаимной неудовлетворенностью по поводу исполнения партнерских обязательств, особенно в контексте иракского кризиса: с одной стороны, заигрывание США с иракскими курдами и возросшая активность Рабочей партии Курдистана (РПК) в Северном Ираке вызывали раздражение Анкары, с другой, запрет, наложенный турецким парламентом на использование американцами расположенных в Турции военных баз для осуществления гуманитарной интервенции в Ирак (2003), был крайне негативно встречен в Вашингтоне.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке в 2010-е годы обнажило концептуальные расхождения в подходах к региональным проблемам — один из главных драйверов текущего кризиса турецко-американских отношений. В длинном перечне вопросов, по которым позиции Анкары и Вашингтона не сходятся, обозначились как системные, так и ситуативные проблемы. На первом месте различие позиций по отношению к сирийскому президенту Б. Асаду и вооруженным группировкам, участвующим в сирийском конфликте (от

¹⁹ Powell Saçmaladı // Cumhuriyet. 2004. Apr. 3. P. 1, 8. <http://www.cumhuriyetarsivi.com>.

²⁰ Sezer's warning: "Turkey is neither an Islamic republic, nor an example of moderate Islam" // Middle East Transparent. 2004. Oct. 2. https://www.mettransparent.com/old/texts/sezers_turkey_is_neither_an_islamic_republic_nor_an_example_of_moderate_islam.htm.

²¹ Başbakan Erdoğan'ın Harvard konuşması // Yeni Şafak. 2004. Febr. 1.

сирийской оппозиции до курдского ополчения). Если США и в целом Запад к середине 2010-х годов перестали категорически настаивать на необходимости ухода Асада от власти, как это было в начале сирийского кризиса, то президенту Р. Эрдогану эмоциональная составляющая этой проблемы мешала сделать аналогичный шаг. После договоренностей о выводе химического оружия из Сирии в 2013 г. Вашингтон в официальной риторике фактически отразил изменения в своих подходах к Асаду. В Турции, напротив, функционеры правящей партии и сам Эрдоган, несмотря на сближение с Россией и Ираном по Сирии в 2016 г., не отказались от жесткой риторики в адрес сирийского лидера.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении вооруженных группировок, воюющих против режима Асада. После 2014 г. США сократили масштабы военной помощи сирийской оппозиции, а в июле 2017 г. новый президент Дональд Трамп принял решение о приостановке любой военной помощи, поступающей воюющим против Асада формированиями по каналам ЦРУ²². Турция действовала, руководствуясь обратной логикой: не только не сократила военно-техническую помощь повстанцам, воюющим против Асада, но и активно использовала этих боевиков как своих условных союзников в ходе операции «Щит Евфрата» (26 августа 2016 г. — 29 марта 2017 г.).

Анкара и Вашингтон продемонстрировали диаметрально противоположные подходы и в определении угроз, исходящих от Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), «Джабхат ан-Нусры» и других террористических группировок, но главное — в оценке «курдского вопроса» в его региональном и трансрегиональном измерениях.

Все это рельефно проявилось во время борьбы с экспансией ИГИЛ. В июне 2014 г., когда проблема противостояния ИГИЛ встала перед мировым сообществом в полной мере, поскольку под натиском исламистов пали ключевые сирийские и иракские города — Ракка, Мосул и т. д., — США инициировали формирование международной коалиции против «Исламского государства». Турция присоеди-

²² Jaffe G., Entous A. Trump ends covert CIA program to arm anti-Assad rebels in Syria, a move sought by Moscow // The Washington Post. 2017. Jul. 19. https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-ends-covert-cia-program-to-arm-anti-assad-rebels-in-syria-a-move-sought-by-moscow/2017/07/19/b6821a62-6beb-11e7-96ab-5f38140b38cc_story.html?utm_term=.d04fa630df62.

нилась к американской коалиции и операциям против «Исламского государства» лишь в июле 2015 г. и только тогда дала разрешение на использование военной базы Инджирлик для нанесения авиаударов по позициям боевиков. Такое поведение союзника по НАТО не могло не вызвать серьезного раздражения на Западе²³.

Еще один эпизод, иллюстрирующий разрушение общего турецко-американского видения региональной безопасности, — события вокруг города Кобани. Осенью 2014 г., в ходе продвижения на север Сирии, боевики ИГИЛ осадили приграничный город Кобани с преимущественно курдским населением. Осада продлилась до конца января 2015 г., город защищали, помимо его жителей, подразделения народной самообороны курдов, с воздуха им помогали силы международной коалиции, а стоявшие на границе турецкие войска не только не вмешивались в ход событий, но несколько месяцев не давали возможность курдским отрядам перебрасывать подкрепления через турецкую территорию. Массовые протесты курдов по всей Турции и давление международного сообщества заставили турецкие власти разрешить проход подкреплений в Кобани по своей территории²⁴.

Таким образом, ряд последовательных событий, отчетливо продемонстрировавших неготовность Турции солидаризоваться с США в деле противостояния ИГИЛ и экспансии террористических группировок в Сирии и Ираке, заставил Вашингтон искать альтернативных союзников на ближневосточном направлении. И такими тактическими союзниками, доказавшими свою высокую эффективность в противостоянии исламистам, стали отряды народной самообороны сирийских курдов. Такой выбор союзников был практически predetermined: перебрасывание в регион своих воинских подразделений для проведения наземных операций в Вашингтоне считали неприемлемым, равно как и сотрудничество с правительственными войсками Асада и проиранскими боевыми группировками. Других

²³ *Sly L., DeYoung K.* Turkey agrees to allow U.S. military to use its base to attack Islamic State // *The Washington Post*. 2015. Jul. 23. https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-agrees-to-allow-us-military-to-use-its-base-to-attack-islamic-state/2015/07/23/317f23aa-3164-11e5-a879-213078d03dd3_story.html?utm_term=.65b289309d59

²⁴ *Pamuk H., Salman R.* Kurdish Peshmerga Forces Enter Syrias Kobani After Further Air Strikes // *Reuters*. 2014. Oct. 31. <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis/kurdish-peshmerga-forces-enter-syrias-kobani-after-further-air-strikes-idUSKBN0IK15M20141031>.

альтернатив, кроме ополчения сирийских курдов, практически не оставалось.

С точки зрения правительства Турции, наращивание взаимодействия США с сирийскими курдами выглядело так, словно вместо тактического ситуативного альянса партнерство американской коалиции с курдским ополчением приобрело почти стратегический характер, что в корне расходилось с интересами и приоритетами Анкары как на региональном уровне, так и в сфере внутривосточной стабильности — с учетом наличия в Турции «курдского вопроса».

Дело в том, что в рамках борьбы с ИГИЛ большое число турецких курдов вошло в отряды народной самообороны сирийских курдов. Подобная курдская солидарность — явление достаточно новое для региона, где разобщенность курдских диаспор всегда препятствовала реализации проекта единого курдского государства. Продвижение ИГИЛ по территории Ирака и Сирии в 2014–2015 гг. в определенном смысле стерло межгосударственные границы, сделав их максимально проницаемыми, и этот фактор также сыграл свою роль, значительно облегчив объединение усилий турецких, иракских и сирийских курдов. Совместные действия в пограничных районах сирийских отрядов самообороны с иракскими курдскими военизированными формированиями пешмерга и турецкими силами РПК с 2014 г. стали регулярными, а операция против боевиков ИГИЛ по освобождению езидских поселений близ города Синджар на севере Ирака в декабре 2014 г. вообще была названа хрестоматийной²⁵.

Получалось, что США в Сирии начали активно сотрудничать с силами, тесно связанными с РПК, — то есть организацией, которая признана террористической и в Турции, и в США. Причем народное ополчение сирийских курдов никогда не скрывало этого: после взятия Ракки — сирийской «столицы» ИГИЛ — мировые СМИ обошли фотографии курдских ополченцев на фоне флагов РПК и портретов лидера турецких курдов Абдуллы Оджалана, отбывающего пожизненное заключение на острове Имралы в Турции²⁶.

²⁵ *Tharoor I.* A U.S.-designated terrorist group is saving Yazidis and battling the Islamic State // *The Washington Post*. 2014. Aug. 11. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/08/11/a-u-s-designated-terrorist-group-is-saving-yazidis-and-battling-the-islamic-state>.

²⁶ *Kurdish forces raise large banner of jailed PKK leader Abdullah Ocalan in iconic Raqqa square* // *Al Arabi*. 2017. Oct. 19. <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/10/19/kurdish-forces-raise-pkk-leader-portrait-in-syrias-raqqa>.

Учитывая, что сирийским курдам фактически подконтрольны значительные территории (на начало 2018 г. — до 20% Сирии) с богатыми нефтеносными районами, и принимая во внимание объемы современного вооружения, полученного ими от США и других союзников, а также весьма увеличившуюся с 2015 г. активность РПК, неудивительно, что обеспокоенность Турции, связанная с «курдским вопросом», резко возросла.

Тактическое сотрудничество в борьбе в ИГИЛ между отрядами самообороны сирийских курдов и Центральным командованием США (*CENTCOM*), ведающим операциями в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, — камень преткновения в двухстороннем диалоге Турции и США с 2015 г., с того момента, когда правительство Турции свернуло «мирный процесс» с РПК, в рамках которого было объявлено обоюдное прекращение огня и велись переговоры с курдскими лидерами (даже с находящимся в заключении Абдуллой Оджаланом), и начало вести активные боевые действия против курдских отрядов на юго-востоке Анатолии и приграничных иракских и сирийских районах²⁷. Отряды самообороны сирийских курдов показали достаточно высокую эффективность в противостоянии ИГИЛ в Сирии в качестве условных союзников международной антитеррористической коалиции во главе с США, и Вашингтон, таким образом, оказался в неловком положении: между «старым союзником» в лице Турции и «новым партнером» — сирийскими курдами, боевые организации которых Анкара относила к террористическим группировкам за их связь с РПК.

Незадолго до турецкого военного путча в июле 2016 г. Б. Обама провел продолжительные телефонные переговоры с Р. Эрдоганом, главной целью которых было убедить турецкого президента согласиться на американскую операцию по поддержке сирийских курдов, которые вот-вот должны были перейти Евфрат и начать атаку на Манбидж — важный опорный пункт ИГИЛ²⁸. Переход курдами условной границы, проходящей по Евфрату, воспринимался в Ан-

²⁷ *Aydın, Ayşegül, Emrence, Cem.* Two routes to an impasse: Understanding Turkey's Kurdish policy // Brookings Turkey Project Policy Paper Series. No. 10. 2016. Dec. <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/12/aydin-and-emrence-two-routes-to-an-impasse.pdf>.

²⁸ *Yetkin Mt.* The Manbij timeline: Call it a coincidence // Hurriyet Daily News. 2016. Aug. 15. <http://www.hurriyetdailynews.com/the-manbij-timeline-call-it-a-coincidence.aspx?pageID=238&nid=102842>.

каре как «точка невозврата» в территориальной экспансии курдов на запад: зайдя за эту «красную линию», курды получили бы возможность установить свой контроль над всей приграничной к Турции территории. Обама удалось тогда убедить Эрдогана, который согласился на эту операцию с условием, что после захвата Манбиджа отряды народной самообороны сирийских курдов вернутся на восточный берег Евфрата. Операция по зачистке Манбиджа от боевиков ИГИЛ в июле 2016 г. оказалась успешной, однако курдские отряды не стали возвращаться на исходные позиции, а в СМИ начали циркулировать фотографии американских солдат в униформе курдских ополченцев²⁹. Все это окончательно подорвало доверие Эрдогана к действиям США, и официальная Анкара стала рассматривать тактический альянс Вашингтона с сирийскими курдами как непосредственную угрозу своей национальной безопасности. Масло в огонь подлил и проведенный в сентябре 2017 г. референдум о независимости Иракского Курдистана. В Анкаре всерьез озаботились возможностью того, что подобный сценарий может быть разыгран и в отношении турецких курдов, и замаячившая на горизонте угроза федерализации заставила ее принять более жесткие меры по «курдской проблеме» как на внутри-, так и на внешнеполитическом уровне.

Своеобразным ответом на масштабное сотрудничество США с сирийскими курдами стала публикация в турецких СМИ (под заголовком «Как США помогают РПК») информации о расположении десяти американских баз и военных пунктов в Сирии (в районах, подконтрольных отрядам самообороны сирийских курдов)³⁰. Представители Центрального командования США выразили недоумение таким недружественным шагам со стороны союзника по НАТО³¹, а в Анкаре в очередной раз подчеркнули, что РПК наравне с народным ополчением сирийских курдов — суть террористические организации, угрожающие национальной безопасности Турции.

²⁹ US soldiers with YPG insignias unacceptable, says Turkish FM // *Hürriyet Daily News*. 2016. May 27. <http://www.hurriyetdailynews.com/us-soldiers-with-ypg-insignias-unacceptable-says-turkish-fm.aspx?PageID=238&NID=99734&News-CatID=510>.

³⁰ Suriyede 10 noktada PKK/PYD'ye ABD desteği // *Anadolu Ajansı*. 2017. Jul. 17. <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyede-10-noktada-pkk-pydye-abd-destegi/863161>.

³¹ Moore J. U.S. 'Concerned' About Turkey Leak Of Special Force Positions In Northern Syria // *Newsweek*. 2017. Jul. 20. <http://www.newsweek.com/us-concerned-about-turkey-leak-special-force-positions-northern-syria-639460>.

Еще одним движущим фактором эрозии турецко-американских отношений стало наращивание политического и военно-стратегического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: это и участие Анкары в астанинском процессе вместе с Ираном и Россией, и взаимодействие с Ираном по Катарскому кризису, и солидарная позиция по референдуму о независимости Иракского Курдистана. Особое раздражение в Вашингтоне вызвало налаживание военно-политического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: впервые за без малого 40 лет со времен Исламской революции 1979 г. две страны обменялись визитами высокопоставленных военных делегаций во главе с начальниками генштабов³². С учетом агрессивной антииранской риторики Вашингтона подобные шаги — показатель не только катастрофического ослабления блоковой дисциплины в рамках НАТО, но и индикатор крайне низкого уровня двухсторонних отношений.

* * *

Динамика развития турецко-американских отношений в 2000-е годы иллюстрирует процесс формирования нового баланса приоритетов и установок, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода холодной войны, все больше уступает место соображениям, связанным с текущими и долгосрочными интересами Анкары. Вопросы политической идентичности потеряли первостепенную значимость, и новые политические элиты Турции 2000-х и 2010-х годов стали рассматривать партнерство с США в иной системе координат, где основными факторами становятся текущие и потенциальные вызовы национальной безопасности, а также содействие, которое могут оказать западные союзники в их купировании. С такой точки зрения даже членство в НАТО, долгое время воспринимавшееся турецким истеблишментом как главный фактор стратегического партнерства Турции с Западом в целом и с США в частности, перестало рассматриваться как стратегическая необходимость, а стало восприниматься как одна из стратегических возможностей. В 2000-е годы Турции уже не требовалось членство в НАТО, чтобы оправдать свои притязания на ев-

³² Iran says no need to increase missile range as can already hit U.S. forces // Reuters. 2017. Oct. 31. <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-missiles/iran-says-no-need-to-increase-missile-range-as-can-already-hit-u-s-forces-idUSKB-N1D028K>.

ропейскую идентичность, и НАТО все больше стало рассматриваться как инструмент укрепления позиций Турции на региональном и даже глобальном уровнях. В этот период многоуровневые отношения Турции с США получили дополнительное измерение, связанное с отношениями официальной Анкары с мусульманскими странами. Казалось бы, исламская солидарность и стратегическое партнерство с США в 2000-е годы являлись практически взаимоисключающими условиями, однако у ПСР был иной взгляд на эту проблему.

Развитие турецко-американских отношений за последние два десятилетия — и отношения в рамках НАТО в этом смысле весьма индикативны — отчетливо показало, что Турция последовательно отстаивает свою субъектность в региональных и международных процессах, что блоковая солидарность Турции не может считаться аксиомой. Р. Эрдоган и другие крупные функционеры правящего в Турции режима четко артикулировали требование не только считаться с интересами Турции, но и считать ее страной, имеющей свой голос в многосторонних и двухсторонних форматах. Девальвация членства в НАТО в условиях новых возможностей и новых внешнеполитических приоритетов — от евроинтеграции до «поворота на Восток» — несомненно сказалась и на характере турецко-американских отношений. Сотрудничество между Турцией и США, которое в годы холодной войны развивалось в основном в рамках НАТО и многосторонних международных инициатив, в начале тысячелетия сузилось до формата двухстороннего взаимодействия, преимущественно вне рамок НАТО. Этот процесс во многом отразил концептуальное расхождение в подходах к международной безопасности между США и Турцией.

В то же время, хотя Турция становится все менее предсказуемой для США и западных партнеров и уже перестала выполнять роль «витрины демократии с исламским лицом» на Ближнем Востоке, она тем не менее не утратила привлекательности для стран региона. За последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого и не соответствующего представлениям США и Запада в целом о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве «модели» для мусульманских стран Ближнего Востока. Турция теперь уже не «остров стабильности», а источник новых, зачастую неожиданных импульсов регионального масштаба.

Литература

1. *Mufti M.* Daring and Caution in Turkish Strategic Culture, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. 233 p.
2. *Erickson E. J.* Turkey as a regional hegemon — 2014: Strategic Implications for the United States // *Turkish Studies*. 2004, vol. 5, no. 3. P. 25–45.
3. *Peterson J. E.* Defending Arabia. London: Croom Helm, 1986. 285 p.
4. *Karasapan Ö.* Turkey and the US strategy in the Age of Glasnost // *Middle East Report* 160. September/October 1989.
5. *Tirman J.* Improving Turkey's "Bad Neighborhood" // *World Policy Journal*, 1998, vol. 15 (1). P. 60–67.
6. *Lesser I.* Turkey and the United States: Anatomy of a Strategic Partnership // *The Future of Turkish Foreign Policy*. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 83–99.
7. *Altunışık M. Bi.* Turkey's Iraq policy: the War and Beyond // *Journal of Contemporary European Studies*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 185–190.
8. *Sayarı S.* Turkish-American Relations in the Post-Cold War Era: Issues of Convergence and Divergence // *Turkish-American Relations: Past, Present and Future*. London: Routledge, 2004.
9. *Aydın S., Keyman F. E.* European Integration and the Transformation of Turkish Democracy // *Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers*. No. 2 (2004). http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf.
10. *Kirişçi K.* Turkey's 'Demonstrative Effect' and the Transformation of the Middle East // *Insight Turkey*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 33–55.

Контактная информация:

Шлыков Павел Вячеславович — канд. ист. наук, доц.; shlykov@iaas.msu.ru

From Westernization to De-Westernization: Turkish-American relations in Historical Perspective of the 1940s — 2010s

Pavel V. Shlykov

*Lomonosov Moscow State University,
11, Mohovaya str., Moscow, Russia, 125009*

For citation: Shlykov P. V. From Westernization to De-Westernization: Turkish-American relations in Historical Perspective of the 1940s — 2010s. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 301–322. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.21> (In Russian)

The paper analyzes the nonlinear dynamics of Turkish-American relations in the historical perspective of the last seven decades (from the 1940s up to the late 2010s). The development of Turkish-American relations demonstrates an interesting paradox — the same factors that made the two countries closer led

to the divergence of the two “strategic partners”. The paper explores the current crisis of Turkish-American relations in three interrelated dimensions: as a decline of the «Turkish model», as an erosion of the institutional solidarity within NATO, and as strategic divergence in perceptions of regional and international security threats.

Keywords: Turkey, USA, NATO, Middle East, «Turkish model», international security.

References

1. Mufti M. *Daring and Caution in Turkish Strategic Culture*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. 233 p.
2. Erickson E.J. Turkey as a regional hegemon — 2014: Strategic Implications for the United States. *Turkish Studies*, 2004, vol. 5, no. 3, pp. 25–45.
3. Peterson J.E. *Defending Arabia*. London, Croom Helm, 1986. 285 p.
4. Karasapan Ö. Turkey and the US strategy in the Age of Glasnost. *Middle East Report*, 160. September/October 1989.
5. Tirman J. Improving Turkey’s “Bad Neighborhood”. *World Policy Journal*, 1998, vol. 15 (1), pp. 60–67.
6. Lesser I. Turkey and the United States: Anatomy of a Strategic Partnership. *The Future of Turkish Foreign Policy*, Cambridge, MIT Press, 2004, pp. 83–99.
7. Altunışık M.B. Turkey’s Iraq policy: the War and Beyond. *Journal of Contemporary European Studies*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 185–190.
8. Sayarı S. Turkish-American Relations in the Post-Cold War Era: Issues of Convergence and Divergence. *Turkish-American Relations: Past, Present and Future*. London, Routledge, 2004. 000 p.
9. Aydın S., Keyman F.E. *European Integration and the Transformation of Turkish Democracy*. Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers, 2004, no. 2. http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf.
10. Kirişçi K. Turkey’s ‘Demonstrative Effect’ and the Transformation of the Middle East. *Insight Turkey*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 33–55.

Author’s information:

Pavel V. Shlykov — PhD Sci. in History, Associate Professor; shlykov@iaas.msu.ru